
Елена ОСИПОВА,
Римма СОКОЛОВА

Кризис цивилизации и неоконсерватизм

В последние десятилетия наблюдается устойчивый рост авторитета неоконсервативных идей, их влияния на политический и в целом духовный климат Запада, на принятие ответственных политических решений. В мире продолжается распространение «неоконсервативной волны». Неоконсерватизм оказался созвучным духовным потрясениям и поискам современного человечества.

Не обошел он стороной и острые вопросы развития нашего общества. Не случайно один из авторитетнейших политических философов ФРГ Г. Рормозер назвал победу демократических сил в августе 1991 года «консервативной революцией»¹. Тем самым немецкий ученый, вероятно, немало удивил многих наших читателей, привычных к иному толкованию этого понятия (консервативный — т. е. реакционный), не имеющему ничего общего с категорией мировой политической науки. Исходя из подлинного значения этого термина, а не ложного политического клише, Рормозер определил им начавшийся процесс возрождения России: духовное осмысление собственной истории, обращение к традициям, возвращение из Вавилонского пленения на арену истории в качестве самостоятельной исторической величины.

Былое абстрактное противопоставление капитализма и социализма, смешение понятий «политика» и «идеология» мешали адекватному осознанию мировых социальных процессов. Из-за этого многие проблемы советского общества казались исключительно нашим собственным достоянием, а западного — представлялись чужеродными, а потому и мало поучительными для нас. Те проблемы, которые выявила и заострила перестройка и последовавшие за ней события — переоценка и пересмотр отношений власти, кризис духовных и мировоззренческих основ общества, возросшая бюрократизация управления, признание приоритета общечеловеческих ценностей, роли рынка и др., — волнуют не только наше общество, они давно и активно обсуждаются на Западе и, что важно отметить, главным образом в рамках неоконсерватизма.

В недавнем прошлом в нашей литературе была распространена точка

---

¹ Рормозер Г., Френкин А. Консервативная революция. «Полис», 1992, №№ 1–2, с. 204.

Осипова Е. В. — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Соколова Р. И. — кандидат философских наук, старший научный сотрудник того же института.

зрения, что неоконсерватизм — всего лишь идеологический и политический реванш монополистической буржуазии, что это стимулированная обострением общего кризиса капитализма переориентация вправо, поставившая под сомнение эффективность неолиберальных и реформистских концепций развития и выявившая необходимость переосмысления политических и идеологических установок и социальных ценностей.

Сегодня становится очевидным, что такая идеологизированная трактовка неоконсервативного мировоззрения далека от истины. Его причины гораздо глубже, а для их раскрытия необходим не только политический, но и социально-философский анализ².

Что такое неоконсерватизм?

На этот вопрос многие исследователи дают весьма разные или даже противоречивые ответы. Дело в том, что и среди самих приверженцев неоконсерватизма нет единства относительно того, что считать подлинно консервативным; многие понятия, выводы, аргументы — особенно в последнее время — подвергаются серьезной критике в рамках различных течений неоконсерватизма.

Бытующая в литературе расширительная трактовка неоконсерватизма представляет его фактически как универсальное явление, включая характеристику неоконсерватизма и как способа мышления, возникшего в академической интеллектуальной среде в 70—80-е годы, и как политической идеологии, и как комплекса поведенческих установок, и даже как моды. Все эти позиции имеют под собой определенное основание. Намеки на нечто общезначимое в неоконсерватизме позволяют каждому уловить для себя что-то близкое. Отсутствие жестко очерченного профиля и достаточно строгих границ локализации этого идейного течения способствует его массовому влиянию и распространению. Гибкость и неоднозначность понятия «неоконсерватизм» дает определенные преимущества неоконсерваторам в их полемике с многочисленными оппонентами.

Неоконсерватизм — скорее всего, некий сплав очень разных идей, мотивов, настроений. Этот многообразный поток переходит от одной страны к другой, изменяясь, преобразуясь, что-то приобретая или утрачивая. Основные понятия, употребляемые в рамках неоконсерватизма («общность», «народ», «нация», «государство», «человек» и т. д.), в разное время и в разных странах наполняются разным содержанием. Что понимается под неоконсерватизмом в каждой отдельной стране — вопрос особого рассмотрения.

Однако, несмотря на многочисленные различия, коренящиеся в историческом прошлом той или иной страны и в своеобразии социально-экономической ситуации, консерватизм отмечен наличием сквозных, постоянных тем или мотивов. Во-первых, это тема защиты традиционных ценностей, соблюдение их иерархии, уважение авторитетов, дисциплины, морали, норм и обязанностей индивида, основных общественных институтов — семьи, религии, общины. Во-вторых, тема культурного кризиса, трактуемого как кризис основ, на которых покоится общество. Сюда же относится страх перед эгалитаризмом, в котором видится угроза западной культуре. В-третьих, идея социальной стабильности, понимание

² Такой подход характерен для международного коллективного труда «Неоконсерватизм: философия, идеология, политика», подготовленного в Институте философии РАН (депонирован в ИНИОН в 1992 году, отв. ред. Р. Соколова). Проблема неоконсерватизма рассматривается здесь в двух взаимозависимых аспектах: в содержательно-сущностном, концептуальном, и с точки зрения особенностей его проявления в конкретных социально-политических условиях отдельных стран. — *Прим ред.*

того, что нестабильность препятствует полезным социальным преобразованиям. В-четвертых, тема примата рынка в экономической структуре общества. В-пятых, критика «государства всеобщего благосостояния», выступающего в роли авторитарного опекуна общества и с необходимостью порождающего гегемонию бюрократии.

В том или ином виде эти темы фигурируют в работах неоконсерваторов в любых европейских странах и составляют сущность неоконсервативного мышления и самосознания. Отдельные теоретики неоконсерватизма и его научные центры далеки от того, чтобы выступать с какой-либо общей платформой. Тем не менее это мощное разноплановое движение усиливается и направляется потоком научных изысканий многочисленных исследовательских центров и влиятельных интеллектуальных групп.

В своей начальной стадии неоконсерватизм оказался в определенном смысле спроецированной на внешний мир психологией. Он явился как бы своеобразной защитой от невротической опасности реального мира, чрезвычайно сложного и динамичного. Его пафосом стали осторожность, максимальный учет возможных последствий предпринимаемых действий, недоверие к новациям, тяга ко всему устоявшемуся, стабильному и т. п. при одновременном приспособлении к изменившимся условиям. Простая модель социального поведения, сконструированная неоконсерватизмом, благодаря своей ясности и однозначности обладала большой притягательной силой и стала необходимой духовной и психологической опорой для различных групп людей особенно в условиях больших потрясений и исторических переломов, связанных с возникновением глобальных проблем и кризисов.

Нельзя не признать, что неоконсерваторы с большой проницательностью определили причины многих неотложных проблем в разных сферах общества, хотя при этом далеко не всегда руководствовались соображениями объективной и беспристрастной истины. Их констатация симптомов болезненного состояния общества, удручающего падения нравов, уровня культуры, разрушения традиционных ценностей, ослабления социальных, профессиональных связей, распространения психологии потребительства затронула, пожалуй, наиболее уязвимое место и болевую точку современного человечества.

Неоконсерватизм оказался стойким, жизнеспособным явлением потому, что сами обстоятельства, его породившие, имели глубокий исторический смысл. Свое начало он берет в ситуации, которую многие западные исследователи охарактеризовали как глобальное «потрясение основ», как утрату устоев человеческого существования. Речь идет прежде всего о кризисе традиционной европеизированной формы общественного прогресса и связанных с ней ценностей, стандартов, парадигм.

Кризис цивилизации

Сам факт массовой распространенности неоконсерватизма, охвата им практически всех социальных слоев свидетельствует не только о сложности проблем, которые он интегрировал. Причина подобной экспансии видится в том, что неоконсерватизм, будучи порождением переломного периода истории (получившего в западной литературе много разнообразных характеристик), представляет по своей сути специфическую и весьма тонкую рефлексию по поводу коллизий духовно-политической ситуации в современном мире.

Привычными стали такие обозначения нашего времени, как «эпоха индустриализации», «эпоха научно-технической революции», «атомная эпоха», «постевропейская эпоха», или просто «эпоха модерна» и

«постмодерна» и т. д. И нет никакой определенности в том, с какой из этих характеристик можно соотнести современное состояние общества. Множественность определений эпохи выражает не только особый драматизм и динамизм мировых социальных процессов, но и признание того, что наш мир и наше время находятся на распутье — «в *ориентационном кризисе*». В сущности, многие нынешние острые проблемы не являются новыми: современность придала всеобщий характер процессам, издавна возникшим в пограничных зонах мирового развития. Их можно объединить понятием «кризис цивилизации».

Кризис цивилизации идентифицируется с модной и популярной темой «заката» бездуховного Запада, получившей распространение в кругах ранних и современных идеологов романтизма. На самом же деле проблема выглядит гораздо более серьезней. Потрясение основ оказалось настолько всеобъемлющим, что были утрачены ориентир движения и само понимание происходящего: то ли это процесс упадка, то ли это возврат к такому общественному порядку, главной целью которого является озабоченность собственной стабильностью, а может быть, это движение к какому-то иному обществу, способному к самоизменению. Происходит крушение привычных норм восприятия жизни, установившихся представлений об окружающем мире, природе человека. На уровне массовой психологии это проявляется в относительно внезапной эскалации настроений страха, неопределенности, уныния, тревоги. Напряженное давление многообразных проблем и поднявшаяся волна социального беспокойства отразились на функционировании всех сторон общества, на деятельности политических партий, проникли в культуру и вызвали, в свою очередь, подъем волны консервативных чувств и настроений в мире.

В этой новой социально-исторической ситуации понятия «стабильность» и «выживание» стали императивами не только политической, но и всякой другой деятельности, не замыкающейся в рамках узкоэгоистических интересов. Они приобрели статус ведущих идейных мотивов нового миропонимания, начавшего осознавать наличие пределов покорения природы, коммерциализации культуры, технизации жизни, развития административно-бюрократического управления государством, превращения в товар все новых форм человеческих отношений.

Как же случилось, что современная цивилизация, столь гордившаяся своими многообразными достижениями, начала испытывать растущую неудовлетворенность собой и даже оценивать свою ситуацию как бедственную. Определенный ответ на этот вопрос дал М. Хайдеггер, образно пояснив в интервью популярному французскому журналу, что «атомная бомба уже взорвалась в поэме Парменида»³. Тем самым он хотел сказать, что выбор западной цивилизацией пути развития, основанного на беспощадной эксплуатации природы, на бесконечном ускорении технологического прогресса, не корректируемого моральными нормами, был заложен, как растение в семени, уже в самых первых философских системах Запада, противопоставивших субъект и объект⁴. Психофизические исследования субъекта (индивида, а также социальных общностей) привели, по существу, к укоренению характерной для европеизированного типа мышления парадигмы этого противопоставления и на специально-научном уровне. В результате методологическое и фактическое преимущество получило то направление естественнонаучной и философской мысли, которое последовательно абстрагировалось от всего, что является субъективностью (духом), и рассматривало природу как

³ См. «L'Express», 20—26 octobre 1969.

⁴ См. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991, с. 6.

«чистую природу». Следствием систематического развития этого направления явилась подлинная революция в техническом освоении природы.

Э. Гуссерль усматривал корни европейского кризиса в сбившемся с пути рационализме. Форма развития рационализма, утвердившаяся в эпоху Просвещения, была ошибкой, полагал он, хотя и вполне понятной ошибкой. Это не что иное, как односторонний рационализм, или натурализм, совершенно не способный к пониманию проблем духа, т. е. проблем, связанных с человеческой субъективностью⁵. Поэтому не случайно Гуссерль и более поздние мыслители призывают вернуться к тому пониманию философии, которое было характерно для Древней Греции, где она означала не что иное, как универсальную науку, науку о мире в целом, о всеединстве всего сущего.

Ограниченность европоцентристской парадигмы прогресса

Философско-историческая концепция прогресса лежала в основе устойчивой картины жизни и миропонимания со времен Просвещения. Эта концепция, потеснившая религиозную веру, сама приобрела статус веры, надолго заволажив сознание многих поколений. Она давала смысл и надежду миллионам людей в условиях, когда они утратили опору в религиозном миропонимании, игравшем в течение веков важную роль в адаптации человечества, в психологическом приспособлении к миру.

Линейная концепция прогресса⁶, изображавшая европейское развитие как кумулятивный процесс, восходит к идеалам Просвещения. Она была пронизана несокрушимой верой в саморазвитие и самосовершенствование человечества, в то, что человечество неуклонно движется вперед — к более совершенным формам жизни — либо революционным, либо эволюционным путем и в конце концов может достичь высшей формы общественной организации. Последовавшие в ходе истории неоднократные разочарования в революционных, радикальных движениях способствовали тому, что идея прогресса прочно перешла в лоно эволюционных теорий — социологических, биологических, психоаналитических (Ф. Шеллинг, О. Конт, Г. Спенсер (ранние работы), Ч. Дарвин, З. Фрейд, А. Гелен и др.). В результате быстрый скачок к вождьленному счастью был заменен долгим и нелегким маршем. Но при этом сама схема движения оставалась неизменной: раннее преодолевается поздним, примитивное — более развитым, сила — правом, миф — логосом, бедность — богатством, фикция — реальностью, неравенство — равенством, и т. д. Другими словами, происходит непрерывное движение к вершинам ослепительного совершенства⁷.

Картина научного, технического, экономического прогресса, осознаваемая как закономерная и неизбежная, была перенесена на все развитие человеческого общества, его институтов, форм государственного устройства. Основой веры в прогресс было убеждение в том, что научное, экономическое и техническое развитие автоматически обеспечивает осуществление гуманистических ценностей. Однако реальная история человеческой цивилизации поколебала, а теперь уже можно сказать — перечеркнула эти представления.

Несостоятельность универсальной концепции прогресса, обнаружившаяся под напором неопровержимых фактов, привела к неожиданному выводу, которого не замечали многие мыслители прошлого, а именно: люди прежних поколений воспринимались только как средство

⁵ См. Husserl E. Die Krise der europäischen Menschentums und die Philosophie. Gesammelte Werke. Bd. 6. Haag, 1954.

⁶ Главные ее идеи были сформулированы, как известно, в XVIII веке философией истории в лице Ф.-М. Вольтера, М.-Ж. Кондорсе, И. Канта, И.-Г. Фихте, Г.-В. Гегеля.

⁷ См. Marquard O. Apologie des Zufalligen. Stuttgart, 1986, s. 77.

для создания нынешнего и будущего исторического совершенства, им было отказано в праве на самоценность и исторически самостоятельный путь в осуществлении собственных гуманистических идеалов⁸. Этот вывод поставил под вопрос гуманистический пафос прогресса, который считался его главным козырем.

Таким характером общественного прогресса и был во многом обусловлен дефицит человечности и духовности — общецивилизационная проблема, которая ныне волнует людей и на Западе, и на Востоке. «Я не могу избавиться от впечатления,— писал, например, В. Гавел,— что западной культуре гораздо больше угрожает она сама, чем ракеты СС-20». Это не может быть иначе в мире, в котором господствует анонимная, неперсональная, нечеловеческая власть — «власть идеологий, систем, аппарата, бюрократий, искусственных языков и политических лозунгов»⁹. Пока наша человечность, продолжает он, остается без защиты, нас не спасет никакой технологический или организационный механизм, предназначенный обеспечить лучшее функционирование экономики, как никакой фильтр на дымящей фабричной трубе (являющейся для Гавела символом нашей эпохи) не может предотвратить общую дегуманизацию. Ведь более важно то, с какой целью функционирует система, чем то, как, с помощью каких механизмов она это осуществляет.

Неоконсерваторы, исходя в своих построениях порой из разных теоретических и методологических посылок, тем не менее практически единодушны в своей пессимистической оценке технократизма и индустриализма. Они отмечают признаки того, что индустриальное общество уже вступило в пограничную область, где человечество ожидает неминуемая катастрофа, если оно по-прежнему будет двигаться по пути традиционного технического прогресса. Необходимо отказаться от идеи «количественного» прогресса и обратиться к прогрессу «качественному». В основе «качественного» прогресса лежит модель изготовления предмета, которая способна бесконечно совершенствоваться. Например, водородная бомба — прогресс по сравнению с атомной, но для человека это не прогресс, а приближение к катастрофе. О «качественном» прогрессе можно говорить в том случае, если создаются предпосылки такого общества, которое служит развитию человека, отношений дружелюбия и взаимопомощи между людьми. (Это представление о прогрессе его противники называют «консервативной утопией».)

Осознание нелинейности и многомерности исторического развития, его неоднозначности и незапланированности стало источником нового мироощущения, суть которого в лаконичной форме выразил известный западногерманский политолог Р. Дарендорф: «Эскалатор прогресса победил вспять»¹⁰.

Нигилизм и его проявление в современном мире

В наиболее общем виде нигилизм означает отрицание ценности всего сущего и отрицание ценности смысла, т. е. какой-либо целесообразности, закономерности, направленности изменений в мире. Это входит в классическое ницшеанское определение: «Что означает нигилизм? — Что высшие ценности обесцениваются. Отсутствует цель; отсутствует ответ на вопрос "зачем?"»¹¹. Если в начале XIX века речь шла о романтическом нигилизме,

⁸ См. Бердяев. Н. Смысл истории. Париж, 1969.

⁹ См. Havel V. Politics and Conscience. In: «Conservative Thoughts». London, 1988, p. 197, 198.

¹⁰ Dahrendorf R. Die Chancen der Krise: "über die Zukunft des Liberalismus, 2 Aufl. V/West, 1983, s. 11.

¹¹ Ницше Ф. Воля к власти. Полное собрание сочинений в 9-ти томах. Т. 9. М., 1910, с. 9.

то с 1930 года стали говорить о нигилизме как явлении политической и духовной культуры, как об умонастроении, овладевшем массовым сознанием. Именно с этих пор в широких слоях распространился нигилизм как глубокое безразличие к окружающему и отсутствие убеждений в результате утраты веры в прогресс, цивилизацию, в исторический путь Европы, вдохновлявшей многие поколения на высокое духовное служение этим ценностям. Нигилизм пришел на смену атеистическому материализму, хотя солидные и основательные материалисты XIX века не предвидели такого поворота дела, потому что верили в человека, в просвещение, культуру и прогресс.

Нигилизм представляет собой полное духовное выражение того многостороннего кризиса, который потряс нашу эпоху до самых ее оснований. Философское кредо нигилизма — провозглашение отказа от объективного различия между добром и злом. Это духовное откровение нигилизма способствовало созданию атмосферы вседозволенности, когда, по словам американского неоконсерватора Д. Белла, ничто не запрещается¹². Атмосфера вседозволенности породила лишенного культурных корней, или потерянного, индивида — доминирующую фигуру современной философии, литературы, искусства. В политической жизни нигилизм становится источником анархизма, терроризма и тоталитаризма.

К нигилизму причисляют и утопические программы, имеющие лишь мечтательное (заоблачное), нереальное содержание и отрицательно относящиеся к реальному миру. Нигилистической может оказаться и религия, если для нее характерными становятся бегство от действительности и мстительное отношение к наличному многоцветному бытию. Сегодня нигилизм выступает в самых разнообразных масках, которые настолько примелькались, что уже мало заметны в повседневной жизни. Многочисленные депрессивные состояния, ставшие элементом этой повседневности, — свидетельство того, что *нигилизм превратился в своего рода хроническую болезнь человеческого духа*.

Нигилизм в культуре выступил в таком обличье, как «контркультура». Комплекс основных мировоззренческих установок контркультуры раскрывает ее главное содержание: контркультура озабочена отнюдь не поисками альтернативных вариантов внутри культуры, новой перспективы социально-культурного развития человечества, а представляет собой попытку «предложить новый — антикультурный — вариант человеческого существования, который в общем и целом не имеет аналогий с вариантами, уже испытанными на практике цивилизованным человечеством»¹³. Отрицание приобрело в контркультуре самодовлеющее значение, став образом мысли и стиля поведения. На поверхности же оно выступило как вполне объяснимая гипертрофия тревожных тенденций в развитии западной цивилизации.

Утрата морали, упадок культуры, распад личности находятся в центре той проблематики, которую неоконсервативная мысль связывает с кризисом культуры. Причины кризиса она видит в том, что пути и средства нахождения смысла бытия оказываются за пределами возможностей отдельного человека, так как зависят от социально-экономической структуры общества, замешанной на принуждении, насилии. Накладываясь на культуру, эта структура предопределяет ее реальные возможности. Человек, становясь элементом структуры, вынужден выполнять лишь частичные социальные и экономические функции, что обедняет его духовный внутренний мир. Эта ситуация приводит к деградации культуры, к деперсонализации человека и дезинтеграции его личности. Разрыв

¹²См. Bell D. Sociological journeys. N. Y., 1980.

¹³ Давыдов Ю. Н. Контркультура и кризис социализации молодежи в условиях

между культурой и структурой ощущается как кризис, как крушение социокультурных оснований деятельности, что ведет к ее деформациям. Результатом является рост как индивидуального, так и коллективного протеста против общественных отношений, против культуры и структуры одновременно.

Философская антропология неоконсерватизма

Мотив «кризиса цивилизации» находит свое продолжение в антропологической концепции неоконсерватизма. В трудах современных консерваторов часто повторяется мысль о том, что консервативная теория начинается с антропологии, что нельзя говорить о консерватизме, не говоря о человеке, не устанавливая, что именно относится к человеческой сущности.

В центр внимания ставится задача обнаружения инвариантных структур, того неизменно повторяющегося и возвращающегося, что «существует постоянно, то выступая на передний план, то отступая назад», что «вечно и заключено в человеке»¹⁴. Именно в природе человека следует искать те константы, которые, обнаруживаясь в его деятельности, постоянно воспроизводят определенные социальные формы поведения людей. Их выявление и целенаправленная работа с ними как условие интегрированности индивидов в существующий общественный порядок, возможность гармоничного и эффективного функционирования как самого этого порядка, так и человека — все это образует основную ось консервативной политики на протяжении почти двухсотлетнего ее существования.

Консервативная модель взаимоотношений человека и общества возникла как реакция на просветительскую модель. Последняя подчеркивала роль свободного, «естественного» индивида, который, руководствуясь требованиями разума, добровольно заключает общественный договор и вступает в отношения братства, справедливости и равенства с себе подобными. Резко отвергая идеи общественного договора, суверенности прав народа, естественности прав человеческой личности, консервативные мыслители утверждали, что люди не рождаются свободными и равными, не имеют никаких «естественных прав» и поэтому не могут произвольно договариваться о создании общества и устанавливать желательные для них в данный момент законы. Никакое общественное устройство немислимо без извечного института неравенства и привилегий, без жесткой иерархии властей, общественных сословий и групп, подживающей установленный Богом порядок.

Представление о человеке как об исключительно разумном существе себя не оправдало, о чем свидетельствует история XX столетия. Человеческий тип, на котором «взошло» западное общество, больше не воспроизводится в массовом масштабе, и это свидетельствует о том, что «безусловные», «естественные» законы (начиная с дисциплинирующих императивов протестантской этики), за которыми, как за каменной стеной, хотели бы жить и современное развитое общество, оказались весьма идеализированными. «Среди мрачных аспектов Нового времени, может быть, самый болезненный — это взлет и падение автономного индивида, того руссоистского «естественного человека», «привлекательного юноши Эмиля», который, оставшись без руля и без ветрил, повел общество от "автономии к аномии"¹⁵.

¹⁴ Moller van den Bruck A. Konservativ. Berlin, 1922, s. 10.

¹⁵ Dahrendorf R. Vora Gesellschaftsvertrag zur Lage in den achtziger Jahren. B/West, 1981, s. 86, 89.

Долгое время (почти до середины 80-х годов) исходным пунктом неоконсервативной антропологии продолжало оставаться представление о неизменной человеческой природе, которая «участвует во всех исторических событиях» как «структурно определяющий момент».

Многие положения этой концепции западногерманские неоконсерваторы заимствовали из философской антропологии М. Шелера, Х. Плеснера, А. Гелена, где под сущностью человека понималась его биологическая конституция, обладающая неизменными чертами и передающаяся из поколения в поколение как «родовое наследие». Неоконсервативное человекознание восприняло тезис Гелена о человеке как биологически ущербном существе, у которого (в отличие от животных) недостаточно развита система инстинктов и вследствие этого он плохо приспособлен к жизни. Завершение, «достраивание» человека, по мысли неоконсерваторов, происходит при помощи социальных институтов. Они не являются результатом человеческой деятельности, а так же «трансисторичны», как и сама природа человека. В начале того и другого — акт творения. Социальные институты придают законченный вид природе человека, компенсируют его биологическую недостаточность и регулируют жизнедеятельность в обществе.

Но «ошибается тот, кто ждет появления «нового человека» после изменения социальных условий»¹⁶. Потому что «важные способы человеческих отношений биологически запрограммированы». Это относится, например, к агрессии как свойству человеческой природы, но не только. «Человеческие социальные отношения также в значительной степени генетически обусловлены»¹⁷. К таким генетически запрограммированным социальным отношениям причисляются прежде всего отношения собственности, иерархического общественного устройства, которые покоятся на инстинкте собственности, инстинкте подчинения. Инстинкт же сохранения человеческого рода обеспечивает его выживаемость при любых социальных катаклизмах, способствуя разрешению самых трудных ситуаций и конфликтов.

Главенствующая роль в социализации индивида приписывается разным общественным институтам. В одних случаях — государственной власти, в других — семье, цеху, корпорации как носителям традиционной культуры. Что же касается интегративной и социализирующей роли церкви, то она признавалась всегда.

Неоконсервативная концепция власти

Выдвигая в качестве своей главной политической цели достижение общественного единства, неоконсерваторы особо подчеркивают в этом отношении роль власти, прежде всего государственной. (В этом вопросе они сохраняют преемственность с консерваторами XVIII—XIX веков.) Властные отношения рассматриваются как отношения, конституирующие общество, а всякое их нарушение — как его разрушение. При определенных обстоятельствах власть может заменять другие общественные институты; ее же как основной фактор, обеспечивающий общественный порядок, не может заменить никто. Более того, власть трактуется в известном смысле внеисторически. Свои действия она должна приспособлять не к данному конкретному обществу, а к «необходимому порядку вещей». Именно поэтому покушение на власть рассматривается как покушение на само общество.

Место власти в антропологической концепции обусловлено той ролью,

¹⁶ K alt en b ru n n e r G.-K. Rekonstruktion des Konservatismus. Freiburg, 1972, s. 95.
¹⁷ Ibid.

которую она играет в деле социализации индивидов. Согласно де Бональду, власть осуществляется через «посреднические тела» (семья, цех, корпорация), членство в которых включает индивида в общество и через действия которых создается и сохраняется общественная целостность.

Де Местр понимал общественную связь иначе, основывая ее на понятии «общественного духа», исходящего из прошлого и объединяющего людей в единый организм. При всем различии этих подходов — независимо от того, шла ли речь об индивиде как члене государства или же об индивиде как члене национальной культурной общности — провозглашался примат общественного над индивидуальным. Но в одном случае поведение индивида регулируется государственными законами, в другом — национальными обычаями. Все консервативные мыслители сходились на том, что идеальным является совпадение государственных законов и национальных обычаев.

Выполняя свои функции, государственная власть сплавливает людей, подчиняет их единой воле, блокирует центробежные и любые другие дезинтегрирующие тенденции, ставит взбунтовавшегося индивида на место. Процесс демократизации общественной жизни, утрата государством своих изначальных функций «ночного стража», гаранта общественного порядка — постоянная тема консервативных lamentаций.

Государство, утверждают неоконсерваторы, не должно бесконечно идти навстречу своим гражданам, иначе оно ослабится и превратится в «колосса на глиняных ногах», потеряет авторитет и силу. Стремясь удовлетворить ожидания членов общества, государство все более приобретает черты «дойной коровы», теряя столь необходимое качество в управлении, как твердость в проведении избранной политической линии. Наилучшие решения может обеспечить профессиональная элита на основе деловой компетенции, требование же народного самоуправления — несостоятельный миф или демагогия.

Всякое явление, перешагнувшее свою качественную грань, переходит в собственную противоположность. Не это ли наблюдение лежит в основе тезисов неоконсерваторов о том, что «избыток демократии равнозначен дефициту управляемости»¹⁸, ведет к росту числа конфликтов, к социальной нестабильности, к усилению притязаний отдельных групп и индивидов на господствующее положение в обществе, к снижению деловитости, организованности и дисциплины, когда общество начинает двигаться к хаосу?

По мере усложнения общественной жизни происходят все большая дифференциация и специализация функций управления, принимающих вид широко разветвленной сети социальных и политических институтов, которыми должны руководить профессионалы-специалисты. Основные требования к системе управления — компетентность и деловая ответственность. Они, а не воля большинства, должны составлять основу политических решений.

Неоконсерваторов пугает рост «неуправляемости западных государств и распространение недоброжелательства по отношению ко всякой власти»¹⁹. Тезис о необходимости сильной власти подкрепляется антропологическими аргументами, в частности, ссылкой на то, что индивид — существо противоречивое, «всегда склонное к риску и опасности, имеющее тенденцию к вырождению, подверженное внешнему воздействию, натравливанию и лишь частично разумное»²⁰. Власть должна ограждать

¹⁸ Ноак Р. Ist die Demokratie noch regierbar. Munchen, 1980, s. 14.

¹⁹ Kaltenbrunner G.-K. Ratios vor den Feinde. Illusionen der Bruderlichkeit. Munchen, 1980, s. 146.

²⁰ Kaltenbrunner G.-K. Der schwierige Konservatismus. B/West. 1975, s. 21.

его от впадения в радикализм, в пропасть анархии, беззакония и агрессии.

Идеи «авторитарности» и «иерархичности», воплощенные в государстве — верховной инстанции, — направлены против «социального государства», осуществляющего перераспределение общественного богатства между конкурирующими группами интересов. Эта политика рассматривается как покушение на экономическую свободу. Она развращает индивидов, причает к иждивенчеству, снижает их социальные возможности и к тому же ведет к разбуханию и усилению бюрократического аппарата. Так, западногерманские неоконсерваторы, доказывая, что федеральный бюджет перегружен социальными вопросами, требуют ограничить государственное регулирование экономикой, освободить государство от забот по социальной опеке.

Осмысливая роль государства в обществе, современные консерваторы возвращаются к старым идеям о тождестве их функций как выразителей народного духа. Так, английский неоконсерватор Р. Скрутон, расширительно трактуя понятие «государство», утверждает, что «для большинства из нас государство означает не только правительство, но также территорию, язык, администрацию, установленные институты, т. е. все то, что произрастает из взаимодействия неосознанного обычая и рефлексивного выбора»²¹.

Если государство — «территория, народ, его язык, даже его церковь»²², то идея усиления государства включает в себе важную мысль об усилении институтов гражданского общества. Общей для различных течений неоконсерватизма является констатация того, что современные социальные формы не обеспечивают гармоничную социализацию индивида, превращение его в хорошо интегрированную личность. Утрата властью былого авторитета — что в равной степени относится и к государству, и к местным органам управления, — а также процессы распада, которые переживают семья, церковь, локальные сообщества и т. п., пагубно отражаются на личности. «Дезинтеграция институтов сопровождается на уровне личности уменьшением различий между моральным и неморальным поведением, авторитетом и беспорядком»²³. Это ведет к разбалансированию отношений между поколениями, к утрате молодежью образцов для поведения, ранее скрепленных авторитетом старшинства и традиции, к дестабилизации моральной атмосферы и, как следствие, — к общему состоянию неуверенности и общественным беспорядкам. Человек попадает в духовный вакуум, переживает ностальгию по утерянному «дому», в котором он чувствовал бы себя уютно.

Предотвратить дальнейшую дезинтеграцию общества и составляющих его индивидов должно помочь, по мысли неоконсерваторов, укрепление промежуточных социальных институтов (семьи, церкви, добровольных объединений и ассоциаций) — этой вновь обретаемой институциональной опоры индивида. В тех же целях должны быть мобилизованы все средства, представляемые культурной традицией.

Роль традиций в противостоянии деструктивным процессам

Сетую на распространение «левой», «разрушительной» культуры, неоконсерваторы видят одну из причин этого явления в невнимании к «культуляции и защите национальных обычаев»²⁴.

²¹ Scruton R. The Meaning of Conservatism. New Jersey, 1980, p. 185.

²² Ibid.

²³ Wildavski A. The Three cultures: Explaining Anomalies in the American Welfare State. «Public Interest», 1982, n 69, p. 46.

²⁴ Crowther J. Politics of restoration. In: «Conservative Thoughts», p. 117.

Современное общество, констатируют неоконсерваторы, оказалось неспособным обеспечить необходимую совокупность «первичных смыслов», столь нужных человеку, не сумело сохранить его связи с чем-то неизмеримо высшим и важным. Это трансцендентальные ценности, которые находят выражение в религии, философии, мифах, символах и прочих элементах культуры и которые формируют мировоззрение человека, регулируют его поведение в обществе, а также его отношение к своему положению в мире. Ответы на обступившие современного человека экзистенциальные вопросы он может найти в культуре прошлого, самостоятельно обращаясь к ней и «проверяя, насколько эти ответы имеют смысл лично для него»²⁵.

Отвергая «радикальные планы» вмешательства в любой аспект человеческой жизни, неоконсерваторы предлагают обратиться к традиции по той причине, что «никто из ныне живущих не может знать, что есть лучше того, что возникло из опыта и ошибок в ходе смены поколений»²⁶. Сам человек рассматривается как «продукт политических и духовных традиций западного мира»²⁷. С позиций защиты человека ведется критика либерализма. Либералы обвиняются в том, что они разрушают традиции, социальные привычки народа, разлагают целостность его естественного коллективного сознания на индивидуальные слагаемые, оправдывают такие нововведения в образовании, которые направлены больше на тренировку ума, чем на культивацию мудрости, и т. п.

Определяя традицию как «все обычаи, церемонии и формы участия в институциональной жизни, когда все то, что делается, делается не механически, а осознанно, когда оправдание этого находится не в будущем, а в прошлом»²⁸, Скрутон подчеркивает, что традиция, связывая прошлое с современностью, тем самым оправдывает историю²⁹.

Традиция трактуется очень широко: как «все те практики, которые служат определению общественного бытия человека»; как все общественное и культурное достояние, которое конституирует представления индивида о себе самом — органической части большого социального организма, индивидуальном воплощении общества и культуры. Традиция возникает и приобретает прочность там и тогда, где и когда индивид ищет связи с чем-то трансцендентным. Она рождается в клубах и локальных общностях, на основе религиозных и семейных обычаев, образования и в любом другом институте, участвуя в котором, человек вступает в контакт со своей же сущностью. Не постигаемая иначе, последняя и находит выражение в традициях. Например, в институте семьи, где «во взаимодействии между родителями и ребенком, прошлым и будущим создается настоящее»³⁰. Традиция, поскольку она живет, принадлежит не только прошлому, но и настоящему, непрерывно существующему в нас самих.

Консервативная мысль всегда рассматривала традицию и такую ее культурную форму, как обычаи, в качестве основного элемента общественного состояния, создающего род тайного согласия, сплачивающего различных людей в единое целое. Обычаи обеспечивают гармонию впечатлений, чувствований и поступков в силу своих уникальных свойств — продолжительного действия и удивительного постоянства. Законы в идеале должны приближаться к обычаям, обладать теми же свойствами.

²⁵ Bell D. Sociological journeys, p. 333.

²⁶ Lewson N. The new conservatism. London, 1980, p. 15.

²⁷ Levi D. The Politics of the Self. In: «Conservative Thoughts», p. 81.

²⁸ Scruton R. Opp. sit., p. 40.

²⁹ Такую роль, по мнению Скрутона, играет, например, традиционный церемониал коронации королевы.

³⁰ Ibid, p. 144.

В совершенном же общественном устройстве они совпадают. Но если законы исторически изменчивы, то обычаи обладают в этом отношении известным приоритетом. Они завоевывают признание самим фактом своего существования, признаются позитивными в силу самой своей очевидности. При быстром изменении политических форм именно обычаи являются тем фактором, благодаря которому народ не превращается в «разрозненные частицы» и человека с человеком по-прежнему объединяют крепкие связи.

Консервативная мысль пришла к знаменательному выводу: именно век Просвещения, который осуждал и предавал забвению традиции, формы общения и социальные связи, рождающиеся в патриархальной семье, общине, церкви, цехе, идейно подготовил Французскую революцию. Консерваторы сделали этот вывод отправной точкой критики идеи сознательной ломки и перестройки общественного порядка. Всякое новаторство, тем более насильственное, направленное против традиций и обычаев, бесповоротно ими осуждается.

Активное обращение к традициям и ценностям прошлого в современной ситуации — это попытка найти выход из духовного и морального кризиса, ответить на ключевые вопросы современности, создать национальный консенсус на основе традиционных моральных ценностей, увязших в «трясине» либерализма. Поэтому, несмотря на то, что в неоконсерватизме сильны ностальгические мотивы, призывы к «славному прошлому», к «добрым старым временам», дело здесь не просто в особой привязанности к прошлому, а в обращении к совершенно определенным традициям — тем, которые могут помочь высвободить современное общество из тисков морального, экономического и политического кризисов. Проявляя большую гибкость, неоконсерватизм все же ориентирован прежде всего на современность. Присущая ему способность тонко реагировать на общественные изменения и является одной из причин его заметного общественного влияния.

Итак, неоконсервативные мыслители, политики, идеологи предприняли большие усилия, чтобы всесторонне описать различные проявления «кризиса цивилизации» и его пагубных последствий для общества. Они концентрировали свое внимание на духовном кризисе, трактуя его как причину всех других кризисных феноменов, и в связи с этим сосредоточили усилия на критическом анализе культуры, сопровождая ее обвинениями в «нигилизме», в «атеросклерозе общества», не скупясь на обвинения общества — отнюдь не безосновательные — в падении нравов, в распространении настроений упадка, фатализма и разочарования.

Неоконсервативные теоретики выдвинули различные варианты решения этих проблем и дали свои ответы на «вызов времени». Хотя эти ответы отличаются известным «разбросом» и в них критики находят противоречия, неоконсерваторы ясно осознали необходимость усиления мировоззренческих основ общественной деятельности, поставив в центр своих теорий разработку духовно-нравственных, ценностных критериев и ориентиров развития общества и человека.